

„східнослов'янська мовна система”, „східнослов'янська триєдність”. Дослідження, побудовані на фактичному матеріалі, як стверджує автор, допоможуть відійти від бездоказових маніпуляцій, пов'язаних з українським матеріалом, від абсолютизації безсумнівних подібностей між українською та російською мовами і від повного ігнорування слов'яно-латинської орієнтації української мови, від понять-міражів, яких нагромадилося чимало (с.124). Д.Вечорек у гурті тих польських дослідників, які впродовж останніх років плідно працюють над українською проблематикою, хоч, скажемо, серед славістів, кого цікавить самотність української мови та її найвищий вияв – літературна форма, відцентрові та доцентрові сили, що забезпечують її саморух, саморегуляцію, зберігають життєдіяльність, живлять потенційні сили, – вона одна з перших. Польські дослідники знайомляться з роботами українців (у списку літератури, що поданий у монографії, їх чимало); бо прикро було чути з уст нашого метра Ю.Шевельова, коли на престижному форумі він з болем говорив, що ніхто не читає праць українських лінгвістів, ніхто не посилається на них (йшлося насамперед про видання радянських часів – „Мовознавство”).

Книга дбайливо й гарно оформлена. І те, що тираж її розійшовся, і в книгарні Вроцлавського університету, стараннями видавництва якого вона побачила світ, її вже нема, є найкращим свідченням актуальності праці, зацікавлення наукової громадськості питаннями української мови.

ОЛЕКСАНДРА СЕРБЕНЬСКА

МАЯ ШИМОНЮК, ДЕСТРУКЦИЯ ЯЗЫКА И НОВАТОРСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ (ПО ТЕКСТАМ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА), Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1997. 122 n.

В рецензируемой монографии исследуются черты идиостиля прозы Андрея Платонова – так называемого „возвращенного” писателя, чьи произведения после длительного замалчивания вновь стали достоянием русской культуры. Автор, опираясь на тончайший семантический анализ текстовой ткани повестей и рассказов А. Платонова, раскрывает тайну его художественного стиля, который всеми исследователями оценивается как оригинальный, совершенно необычный, ни на кого не похожий, деформирующий закрепленные в языковом сознании нормы и даже

опровергающий само понятие кодифицированного литературного языка. Стиль писателя, как убедительно показывает автор монографии, – это языковой эксперимент, происходивший на фоне универсальной социальной и духовной ломки постреволюционной России, глобальной переоценки ценностей, а также влияния модернизма на русскую культуру начала XX века.

М. Шимонюк детально определяет теоретические и методологические основания своего исследования, подвергая при этом глубокому анализу категорию стиля, а также уточняя другие базовые и во многом дискуссионные понятия лингвостилистики, такие как литературный язык, соотношение языка и стиля, текста и стиля, прагматика художественного текста, идиостиль писателя и др.

Анализируя различные дефиниции термина *стиль*, автор констатирует, что он становится „мало дифференцированным, размытым, но удобным... Этому термину легко приписать метафорический предикат, позволяющий обобщенно оценить текст” (с. 13-14). Однако, по мнению исследователя, „нецелесообразно даже метонимически отождествлять понятия: текст и стиль, язык и стиль, предпочтительнее развести их” (с. 14). Стиль высказывания автор рассматривает как производное языковых единиц, создающих сеть смыслов, отсюда стилевые приемы понимаются им как результат выбора языковых единиц, их взаимодействия, взаимного приспособления: „языковой стиль есть равнодействующая сознательно выбранных языковых элементов, сознательно употребляемых языковых приемов” (с. 15). Разделяя теоретические позиции функциональной стилистики, автор монографии вслед за М.Н. Кожинной, А.Н. Васильевой и др. рассматривает стиль через понятие социально обусловленной речевой системности.

Важно отметить, что в понятии *стиль* М. Шимонюк акцентирует антропологический аспект: стиль речевого высказывания оказывается его сущностным качеством, несет на себе отпечаток человека-творца и именно стиль сближает все интенциональные и материальные продукты человеческой деятельности, отличая их от природных явлений.

Касаясь до сих пор дискуссионного вопроса о стилевом статусе поэтического языка, или художественной речи, автор рецензируемой книги солидаризируется с теми стилистами, которые рассматривают язык литературных текстов в ряду функциональных стилей языка „под принятым в русской стилистической терминологии наименованием *художественного функционального стиля* (с. 25).

Большую роль в лингвостилистической интерпретации художественного текста автор монографии отводит прагматической направленности произведения, в частности анализу его идеологического подтекста как „коммуникативной цели дискурса” (с. 20). Эта задача оказывается особенно актуальной для понимания художественного мира такого сложного писателя, как Андрей Платонов, находившегося в оппозиции к революционной диктатуре; отсюда наличие в его произведениях множества глубинных, имплицитных смыслов, требующих декодирования, активной позиции читателя в его диалоге с автором.

Исследуя необычность индивидуальной стилевой манеры А. Платонова, его языковое новаторство, М. Шимонюк справедливо подчеркивает, что „нельзя, не впадая в противоречие, ограничить стиль художественного текста искусственно оторванным от содержательного уровня формально маркированным языковым материалом” (с. 25); лингвостилистическая интерпретация текста с неизбежностью требует его смысловой интерпретации, поскольку „сознательно вводимые языковые приемы или преобладающие языковые употребления, разные способы актуализации слова... взаимодействуют с общим замыслом автора” (там же), и „даже исключительная яркость и оригинальность платоновского индивидуального стиля не обеспечивает (без совмещения с содержательной текстовой информацией) его самодостаточной оценочной интерпретации” (с. 27).

Стилистической доминантой платоновского слога автор монографии называет „риторичность” как совмещение несовместимого в языке, остранение канонов стиля, общепринятых в данный период времени в данном жанре, и „сюрреалистичность” как полное отрицание социальных стандартов, антиэстетизм, актуализацию подсознательного.

Художественной доминантой произведений Платонова М. Шимонюк считает философское осмысление времени, в котором пришлось жить писателю, и человека в его сущностных измерениях, освобожденного волей повествователя от всяких условностей культуры и общества.

Главная черта платоновского идиостиля, квинтэссенция его языкового новаторства, по мнению исследователя, заключается в приеме девиации – „нарушении нормативности языковой реализации”, „деформации языкового узуса и нормы” (с. 33), особенно в области малого синтаксиса, т. е. в пределах словосочетания. Анализируя девиационные стилистические приемы, автор монографии приходит к выводу о том, что стилистический идиолект Платонова определяется прежде всего приемом расширения валентности слова (в первую очередь глагола): „Платонов так организует

высказывание, что вводит в словосочетание словоформы, не только нарушающие морфо-синтаксические связи, но вообще не предусмотренные семантической валентностью данного глагола ни облигаторной, ни факультативной, создавая неожиданные коллокации слов, которые способствует наращиванию смыслов” (с. 35).

Представленный в книге богатый эмпирический материал, сопровождающийся убедительными комментариями автора, со всей очевидностью показывает „масштабы языкового преобразующего, даже деструктивного новаторства писателя” (с. 39), охватывающего весь платоновский свертхтекст. Для того чтобы читатель почувствовал „вкус” платоновского слога, приведем несколько примеров девиационных конструкций из рецензируемой книги (в скобках указываем лингвистическую квалификацию конструкций, данную М. Шимонюк): *пошел внутрь города, из открытого тела пахло теплом* (деформация предложно-падежного управления); *вслушался в воздух, мужик тронулся ногами* (расширение семантической валентности глагола); *мощинистая мысль, роющий труд, женищина в сытой шубке* (ненормативные атрибутивные словосочетания); *очередная невзгода жизни, харчует своим продуктом* (морфологическая девиация); *будем ехать вместе и существовать* (семантическая неоднородность синтаксического ряда); *безлюдье лежало позади ее тела, учредить светлый мир по краям дороги* (совмещение конкретных и обобщенных номинаций); *плакал слезами, лошадь понеслась наружу из деревни* (прагматическая девиация); *Пожилый товарищ делает нам залегание по вопросу необходимого стыда для власти* (стилистическая девиация) и др.

Исследование деструкции языка в произведениях А. Платонова неизбежно выводит автора рецензируемой книги на проблему эстетической ценности платоновского стилистического новаторства, поскольку именно эстетическая функция языка является доминирующей в художественном тексте. М. Шимонюк приходит к выводу о том, что тексты произведений А. Платонова отвечают „высоким, может быть даже очень высоким эстетическим требованиям, несмотря на „уродливый язык”” (с. 87). Эстетика Платонова связана с поисками новой художественной формулы, нового языка для выражения доведенного до абсурда стремления к справедливости в ее исторической ограниченности; эстетика писателя вливается в общее русло модернистской прозы первой трети XX века с ее зависимостью от общего мироощущения творческой личности,

определяемого трагическим пафосом и соотносимого с катастрофизмом мышления.

М. Шимонюк подчеркивает, что именно имплицированный автор, точнее авторская концепция, является тем упорядочивающим началом, которое оправдывает деструкцию языка классической русской литературы. Ломка стереотипов, конвенций и норм – девиационность стиля писателя – отражает, по мнению исследователя, проникновение литературы в доселе неизвестные глубины человеческого существования, а платоновский идиостиль открывает „новые возможности для русской литературы через 40 лет после его смерти” (с. 91).

В целом рецензируемая монография представляет несомненную ценность не только для лингвиста, но и для литературоведа и культуролога, поскольку идиостиль А. Платонова рассматривается автором чрезвычайно многоаспектно: он вписан как в лингвистическую парадигму (лингвистики текста, лингвостилистики, прагматики, семасиологии), так и в парадигму истории, философии, эстетики и культуры XX века; при этом автор демонстрирует незаурядное мастерство лингвосмыслового анализа текста платоновских произведений и их целостной интерпретации как художественных феноменов.

ЕЛЕНА А. БАЖЕНОВА

ZOFIA MITOSEK, MIMESIS. ZJAWISKO I PROBLEM. Warszawa 1997, 343 s.

Problematyka podjęta przez Zofię Mitosek ma swoją tradycję badawczą i nadal jest obecna w literaturze naukowej. Autorka recenzowanej pracy zachęca czytelnika do zainteresowania się wielonurtową problematyką *mimesis* i zapowiada dalsze prace z kręgu tej – jak to określa – „niepowtarzalnej przygody badawczej”. Z pozoru problematyka naśladowania staje się dziś niemożliwa, z drugiej jednak strony zauważa się rozwój procesów mimetycznych, tak iż – „Reprodukcja góruje nad twórczością, powtarzalność nad oryginalnością” (s.122).

Na tom składają się w dużej mierze powstałe w ciągu kilkunastu lat artykuły wcześniej publikowane, a tu rozszerzone, zmienione i zaktualizowane. Jednak zebrane w jednym tomie dają pełniejszy ogólny przegląd zagadnienia i uświadamiają aktu-